

В. В. КАЛУГИН (Москва)

Повесть о Феодорите Кольском

Житие-биография «О преподобном Феодорите священномученике» входит в «Историю о великом князе Московском» боярина Андрея Михайловича Курбского, написанную во время эмиграции в Великом княжестве Литовском между 1579 и 1581 г. (РИБ 31, 324-347). Это вполне самостоятельная в структуре «Истории» агиографическая новелла. Она имеет авторские варианты названия в тексте: «Краткая повесть о преподобном Феодорите» и просто «Повесть о Феодорите» (РИБ 31, 329, 338). Житие помещено в конце «Истории» после мартирия «О страдании священномученика Филиппа митрополита Московского» и имеет другую структурную схему.

Повесть рассказывает о Феодорите от его рождения до смерти, насыщена подробностями и выдержана в более простом повествовательном стиле. Курбский стремился как можно точнее описать жизненный путь своего героя. Он сообщает сведения о местах, в которых побывал Феодорит, указывает, сколько времени тот провел там, какое расстояние проехал, и т.п. Неконкретных сведений немного, и они вызваны чаще всего отсутствием точных данных или тем, что автор не помнил некоторые факты. «Памятамыся», — замечает он в таких случаях или предупреждает: «...яко слышал от некоторых, тако и написах...» (РИБ 31, 331, 346).

Отличия между повестями о Феодорите Кольском и митрополите Филиппе объясняются не только разными авторскими установками, хотя, разумеется, и они имели место. Курбский — духовный сын Феодорита (РИБ 31, 344, 345) и, рассказывая о нем, часто основывался на личных воспоминаниях. «...Аз един елико могу памятаи!» — восклицает он (РИБ 31, 343). О митрополите Филиппе, который погиб после эмиграции Курбского, приходилось писать по слухам, доходившим в Великое княжество Литовское из России. Более пространный рассказ о нем князь Андрей оставил «тамо живущим, сведомшим и ближаишим» (РИБ 31, 310).

Курбский приводит много хронологических сведений о Феодорите, но нигде точно не датирует события. Основные даты можно установить только, соотнося показания князя Андрея с другими источниками. Тем самым подвергается проверке и степень достоверности сообщенного Курбским, вызвавшая в науке противоположные оценки — от скептических (Голубинский 2, 860) до весьма положительных (Яхонтов 1881, 121, 126). Забегая вперед, надо сказать, что рассказ Курбского в целом выдерживает проверку источниками и является ценным свидетельством современника, сохранившим уникальные факты.

С самого начала жизнеописания своего героя Курбский подчеркивает его преемственность с духовным отцом севернорусского монашества Сергием Радонежским. Феодорит был уроженцем Ростова, «отнюду же, — замечает князь Андрей, — и святый Сергий провозрасте» (РИБ 31, 324). На тринадцатом году Феодорит ушел из дома в Соловецкий монастырь. Через Ростов пролегал путь на Белое море (Герберштейн 1988, 202). Надо думать, что отрок отправился в столь далекое странствие не один, а вместе со старшими попутчиками.

Когда Феодориту шел четырнадцатый год, он постригся в монахи и был отдан на послушание пресвитеру Зосиме, «святу и премудру и многолетну суцу» (РИБ 31, 324-325). По словам Курбского, наставник Феодорита был учеником одного из основателей Соловецкого монастыря игумена Зосимы. Зосима Соловецкий умер в 1478 г. В начале XVI в. на Соловках еще жили его ученики. В атмосфере живых преданий о нем и его сподвижнике Савватии Соловецком сложилась личность Феодорита.

Феодорит пробыл в послушании у своего старца 15 лет. За это время он сформировался как книжник, «навыче всякой духовной премудрости» (РИБ 31, 325). В этом ему оказала помощь соловецкая библиотека. По ее описи 1514 г., «в казне» при Никольской церкви хранилось 127 рукописей — в основном книг традиционного церковно-славянского содержания (Кукушкина 1977, 23, 169-171, 177).

В возрасте около 30 лет Феодорит был рукоположен архиепископом Новгородским в иеродиакона (РИБ 31, 325). Курбский не называет архиепископа по имени, но им был Макарий, будущий митро-

полит всея Руси. В 1526 г. он был поставлен в архиепископы Новгородские. Перед этим новгородская кафедра оставалась не замещенной 17 лет. Предшественник Макария Серапион был низложен с архиепископского престола в 1509 г. (Голубинский 2, 747, 856).

По данным Курбского, Феодорит стал иеродиаконem в возрасте 28-29 лет. Скорее всего, с учетом приводимого ниже сообщения об Александре Свирском, он родился около 1500 г. Если принять за дату его рождения 1489 г. (Шестаков 1868, 262), то время его посвящения в сан придется на период, когда в Новгороде не было архиепископа. Если предположить, что Феодорита рукоположил не Макарий, а Серапион, то тогда он должен был родиться не позднее 1480 г. Эта дата плохо согласуется с хронологией дальнейшего рассказа. В таком случае Феодорит участвовал в возрасте 77 лет в дипломатической миссии в Константинополь, а затем, когда ему было около 80 лет, совершил два тяжелейших путешествия из Вологды в Мурманскую землю к лопарям. Эти далекие странствия представляются более реальными для человека в возрасте около 60 лет.

После посвящения в сан Феодорит пробыл около года на Соловках у своего старца Зосимы, а потом с его благословения отправился «на созерцание» к игумену Александру Свирскому в монастырь в Олонецком крае близ Ладожского озера. Курбский изображает их встречу в соответствии с канонами агиографической литературы. Святой Александр Свирский принял незнакомца как провидец. Он вышел из монастыря навстречу страннику и приветствовал его словами: «Сын Авраамль прииде к нам, Феодорит диякон» (РИБ 31, 325). Александр Свирский умер 30 августа 1533 г. и был канонизирован в 1547 г. Курбский называет его чудотворцем и отмечает его особую любовь к Феодориту. Этот период в жизни Феодорита с момента его рукоположения до жизни в Александро-Свирском монастыре следует датировать концом 20-х — началом 30-х гг. XVI в.

От Александра Свирского Феодорит отправился в Заволжье, бывшее центром нестяжательной иноческой жизни, и поселился в Кирилло-Белозерском монастыре, где в свое время принял постриг один из основателей Соловецкой обители Савватий. В Кириллове Феодорит провел около двух лет, предаваясь «жестокому и святому

жительству» (РИБ 31, 325). Жизнь в многолюдном общежительном монастыре показалась ему, вероятно, слишком суетной. Он удалился в уединенные лесные скиты, расположенные в окрестностях Кириллова, и остановился в Порфириевой пустыни. Оставя Кирилло-Белозерский монастырь ради созерцательной жизни в скиту, Феодорит повторил путь духовного отца нестяжателей Нила Сорского, также ушедшего из Кириллова в пустынь.

Произведение Курбского направлено против произвола московских государей. Используя прием вставной новеллы, он поместил в «Повести о Феодорите» рассказ о страданиях Порфирия (РИБ 31, 326-329). В 1521-1524 гг. Порфирий был игуменом Троице-Сергиева монастыря (Строев 1877, 138; Голубинский 2, 832). После смелого выступления в защиту князя Василия Шемячича, арестованного Василием III, он был отрешен от настоятельства в сентябре 1525 г., подвергся опале и затем вернулся к себе в пустынь. Князь Андрей называет Порфирия «божественным», «исповедником» и «первомучеником» (РИБ 31, 325-326). Вставные новеллы, развивающие параллельные сюжетные линии, типичны для его литературной манеры и часто использовались другими средневековыми писателями.

В Порфириевой пустыни Феодорит встретил единомышленников-нестяжателей: инока Артемия, последователя учения Нила Сорского, и старца Соловецкого монастыря Иоасафа (Исаака) Белобаева (РИБ 31, 329, 336). На время их знакомства проливают свет «Постнические словеса» Василия Великого, которые Артемий переписал в Порфириевой пустыни в 1543 г. (Ув-255-1^о). В послесловии к рукописи он сообщил, что поселился в Порфириевой пустыни в 1536 г. (Ув-255-1^о, 451). Встреча Феодорита и Артемия произошла не ранее 1536 г.

Феодорит провел в Порфириевой пустыни около четырех лет (РИБ 31, 329, 336). Затем он получил от старца Зосимы письмо, в котором тот, предчувствуя кончину, призывал к себе ученика. Феодорит немедленно отправился в Соловецкий монастырь и пробыл там около года или меньше того, служа больному наставнику (РИБ 31, 329-330).

Соловецкий монастырь был форпостом христианства и русской культуры в Поморье. На Соловках Феодорит принял решение не

возвращаться в заволжские пустыни, а поселиться в пустынном краю лопарей (современное название: саамы). После смерти Зосимы, в конце 30-х гг. XVI в., он отправился в Мурманскую землю в устье реки Колы (РИБ 31, 330).

На Коле Феодорит встретил старца пустытника. Князь Андрей неуверенно замечает: «...памятамяся, Митрофан бе имя ему — пришедшаго во оную пустыню пред ним аки за пять лет» (РИБ 31, 331). Кто этот отшельник — неясно. Курбский откровенно указывает на возможность ошибки в имени. Вместе с тем его свидетельство об освоении русскими миссионерами Колы до Феодорита подтверждается другими источниками. В «Никоновской летописи» сообщается, что зимой 1532 г. в Новгород к архиепископу Макарию прибыло посольство лопарей с рек Колы и Туломы. Посланцы «просили антимилов и священников церкви Божия свящати и самим просветитися святым крещением» (ПСРЛ 13, 63).

Е. Е. Голубинский, критически оценивая рассказ Курбского, считал, что так как язычники на Коле были крещены до Феодорита, то в таком случае он должен был просвещать лопарей, живших в другой, восточной, части Кольского полуострова по реке Поною (Голубинский 2, 860). Однако еще в 1534 г., через два года после посольства лопарей, архиепископ Макарий докладывал Ивану Грозному не об успехах миссионерской деятельности, а о том, насколько сильна «прелесть кумирская» на Русском Севере вплоть «до лопи до дикие» (ПЛ 1, 141). Из сообщения о Лапландии 1591 г. голландского купца Симона ван Салингена видно, что в 1565 г. колонизация на Коле лишь только начиналась и там было не более трех домов (Филиппов 1901, 299, 303, 308, сн. 14). Феодорит шел с просветительской миссией по следам своих предшественников, которые обратили в христианство только часть кольских лопарей.

«Повесть о Феодорите» была написана спустя 15-17 лет после бегства Курбского из России. Вспоминая в эмиграции беседы со своим духовным отцом, князь Андрей допустил хронологические ошибки. Прожив на Коле якобы около 20 лет, Феодорит и Митрофан отправились в Новгород (РИБ 31, 331). Эта цифра явно преувеличена. Исследователи сокращают ее до 12, но и она вступает в противоречие с хронологией рассказа (Макарий 4, 182, 504, сн. 428).

В Новгороде Феодорит был рукоположен в иеромонаха архиепископом Макарием и некоторое время был его духовником. Курбский подчеркивает последний факт дважды (РИБ 31, 331, 339). 19 марта 1542 г. Макарий был поставлен митрополитом Московским и всея Руси (Голубинский 2, 763). Феодорит мог прибыть к нему в Новгород только до 1542 г. Но в таком случае он провел на Коле всего лишь несколько лет с конца 30-х гг. XVI в.

В Новгороде теряется след Митрофана. Курбский больше не упоминает о нем в своем повествовании. В начале 40-х гг. XVI в. Феодорит возвратился с богатыми пожертвованиями и уже «некоторыми другими» спутниками на Колу, где основал в устье реки монастырь и церковь в честь Святой Троицы (РИБ 31, 331-332).

Князь Андрей ничего не говорит о миссионерской деятельности Феодорита во время его якобы двадцатилетнего отшельничества на Коле. Крещение лопарей отнесено ко времени его второго пребывания в Мурманской земле. В первый приезд Феодорит осваивался с новой для него средой и постепенно подготавливал язычников к принятию христианства, но не крестил их, так как не имел сана священника.

Курбский прибегает к агиографическому преувеличению, когда утверждает, что «единого дня» крестилось около двух тысяч лопарей (РИБ 31, 332-333). Столько представителей саамского народа проживает сейчас на Кольском полуострове в России. Стремясь объяснить успех проповеди Феодорита, князь Андрей подчеркивает, что он «искусен уже был языку их» (РИБ 31, 332). Иначе он не смог бы сделать то, о чем свидетельствует Курбский: «...наука их писанию, и молитвы некоторые привел им от словенска в их язык» (РИБ 31, 332).

Этот письменный язык не был своего рода руссенорском XVI века — торговым языком между Россией и Норвегией. Это был священный, а по средневековым понятиям, следовательно, и культурный, язык, на который переводились церковно-славянские тексты. Их перевод на восточное наречие саамского языка был возможен только после создания особого алфавита, несомненно основанного на кириллице, способного передать специфические звуки саамской речи. Курбский, отмечая все заслуги Феодорита, ничего не говорит о

том, что он изобрел саамский алфавит. Возможно, Феодорит использовал письмена, ранее придуманные русскими для финно-угорских народов.

Симон ван Салинген сообщает, что среди его знакомых в 1568 г. был Федор Циденова — неточная транскрипция Feodor Zidenova, вероятно, Чудинов или Жеденов из Кандалакши. Федор слыл «за русского философа, так как он написал историю Корелии и Лапландии, а также рискнул изобрести письмена для корельского языка, на котором никогда не писал ни один человек. Так, он показывал мне алфавит и рукопись, Символ веры и Отче наш, а также, изложивши им самим испытанное и проч. ...» — очевидно, исповедание веры (Филиппов 1901, 301-302; 310, сн. 31).

Попытки письменной фиксации карельской речи известны задолго до Федора из Кандалакши. Древнейший письменный памятник карельского языка новгородская берестяная грамота с четырьмя строками заклинания от молнии относится к XIII в. Характерен объем переведенных Федором текстов — Символ веры и Отче наш. Надо полагать, что такие же «молитвы некоторые» перевел на саамский язык Феодорит Кольский.

В житии его современника Трифона, основателя Троицкого монастыря на реке Печенге, сообщается, что новообращенные лопари, жертвуя монастырю земельные и водные угодья, «письменными заветы утверждаху» (ЖТП 1859, 102). Неизвестно, насколько это известие достоверно и что представляли собой эти дарственные записи. Но едва ли Трифон обучал лопарей грамоте. По его признанию, он был «невежда... и малокнижен» (ЖТП 1859, 97).

Начинание Феодорита могло иметь большое культурное продолжение. Оно означало зарождение саамской письменности и литературного языка. Однако дело Феодорита не получило продолжение. В России письменность на саамском языке была введена только в начале 30-х годов XX века. До нашего времени не сохранилось ни строчки из переводов Феодорита, ни единой надписи на использованном им алфавите. Скорее всего, они не выдержали конкуренции с церковнославянской книжностью и были вытеснены ей. Такая же судьба постигла и переводы Стефана Пермского на древнезырянский язык, и переводы «философа» Федора на карельский. Вместе с тем

эти факты свидетельствуют о неоднократных попытках в XV-XVI вв. создать письменность на языках финно-угорской группы и перенести на эту почву церковно-славянскую культуру.

В жанровой системе древнерусской агиографии, унаследованной от византийской литературы, существовал особый тип исповеднического жития. Его герой — проповедник христианства в языческой стране. Он просвещает идолопоклонников, сокрушает кумиры, вступает в борьбу с целым народом, терпит гонения и мучения, но в конечном итоге силой собственного примера, силой слова и дела одерживает победу: язычники принимают христианство и крестятся (Кусков 1980, 11-12). Классическим примером исповеднического жития является жизнеописание Стефана Пермского, крестителя коми-зырян, написанное его другом Епифанием Премудрым. В житии подробно рассказывается о гонениях язычников на Стефана Пермского и их попытках убить проповедника.

Этот агиографический прием использован в «Житии Трифона Печенгского». Язычники и их кебуны-жрецы, желая прогнать святого из своей земли, чинили ему «неисповедимыя пакости: за власы торгаху, и о землю метяху, и бияху, и пяху» и угрожали смертью (ЖТП 1859, 99-100). Агиографический стандарт обнаруживает разительный контраст с характеристикой Трифона, которую дал ему хорошо знавший его ван Салинген: «Он был грозным для врагов воином, много народу ограбил и разорил он на границе и много крови пролил...» (Филиппов 1901, 302).

Курбскому было известно о колдунах в Лапландии. В «Истории о великом князе Московском» рассказывается, как Василий III, стремившийся излечиться от бесплодия, посылал за волхвами «аж до Корелы, еже есть Филяндия, и аж до дикия Ляпунии, яже тои язык седит на великих горах, подле Студеного моря» (РИБ 31, 291, сн. 4). Видимо, следуя примеру отца, Иван IV также приказал доставить «с Севера множество кудесников и колдуний» (Севастьянова 1990, 84). Английский негодник в России Джером Горсей писал, что их привезли «из того места, где их больше всего, между Холмогорами и Лапландией», и они точно предсказали Грозному его смерть (Севастьянова 1990, 84-85).

Курбский имел все основания пойти следом за агиографическим шаблоном, но не сделал этого. Ссылаясь на рассказы Феодорита, он с похвалой отозвался о лопарях: «...яко сам он поведал ми, иже тои язык лопский... люди зело просты и кротцы и отнюдь всякаго лукавства неискусны, ко спасенному же пути тщаливи и охочи зело, яко последи множества от них мнишеское житие возлюбили» (РИБ 31, 332). Главное препятствие герою Курбского чинили не язычники, а иноки его монастыря, среди которых были крестившиеся лопари (РИБ 31, 332).

Приехав впервые на Колу, Феодорит вместе с Митрофаном искал уединенного созерцания, продолжая традиции Нила Сорского и заволжских пустынников. Во время второго пребывания в земле лопарей Феодорит стремился осуществить идеал совершенного монашеского общежития.

По своим взглядам на церковную жизнь Феодорит — убежденный нестяжатель, последователь заволжских старцев и строгого общежительного устава Зосимы и Савватия Соловецких. В рассказе об отказе Феодорита принять богатые дары Ивана Грозного Курбский в сжатой форме выразил убеждения своего учителя: «...аз яко сребреник [деньгами. — *В. К.*], так и драгоценными одеждами не обыкох наслаждаться, а ни ими украшаться, паче же отрекохся всех таковых в начале постр[и]жения власов моих; но доброту душевную, благодати духа внутрь украшати тщуся. Но точию сего прошу, да с покоем и со безмолвием в келье до изшествия моего да пребуду» (РИБ 31, 341). Согласно взглядам нестяжателей, нищета, уединенное безмолвное житие и «умная молитва» были самым верным путем для достижения идеала духовной жизни.

На Коле Феодорит основал Троицкий монастырь и ввел в нем строгий общежительный устав. Подобно Нилу Сорскому, он запретил монахам иметь личную собственность, пользоваться чужим богатством и приказал кормиться только от дел рук своих (РИБ 31, 332). Следуя завещанию Зосимы Соловецкого, Феодорит запретил находиться в обители не только женщинам, но и животным-самкам (РИБ 31, 333). Жизнь в его монастыре была организована по другому принципу, чем у Трифона Печенгского. Русские и иностранные источники согласны в том, что Печенгский монастырь регулярно

принимал богатые пожертвования (ЖТП 1859, 102, 104-106; Филиппов 1901, 303; Андреев 1920, 35).

Суровые правила иноческой жизни вызвали протест монастырской братии. Следуя агиографическим канонам, Курбский объясняет возмущение монахов бесовскими кознями. Дьявол настраивал иноков против нестяжательного устава Феодорита: «И никто же может от человек претерпети уставом, вам преданным от него: како можете без именеи жити, своими руками хлеба добывающе?» (РИБ 31, 333).

За агиографическими стандартами стоит реальный конфликт между игуменом с его стремлением к аскетической строгости монастырской жизни и составлявшими большинство, не готовыми принять на себя такой подвиг иноками. Похожие конфликты возникали и в других монастырях XVI в. Епископ Крутицкий Савва Черный, рассказывая о строгом уставе Иосифа Волоцкого, замечает, что не выдержавшие его монахи покидали монастырь со словами: «...жестокое есть сие житие, в нынешнем роде, кто может таковая понести...» (Питирим 1973, 199). На Коле монахи поступили иначе: они остались в монастыре, изгнав оттуда своего настоятеля около 1549 г. По словам Курбского, они в ярости «имают старца святаго и бьют нещадно, и не токмо из монастыря извлекают, но и от страны тоя изгоняют, аки врага некоего» (РИБ 31, 333).

Земля лопарей входила в новгородскую епархию. Туда и отправился Феодорит, возможно ища справедливости у новгородского владыки. В 1542-1551 гг. архиепископом Новгородским был иосифлянин Феодосий. Он не вернул Феодорита на Колу, а назначил его игуменом маленького монастыря в новгородской земле, где тот и провел около двух лет (РИБ 31, 333).

Перед Иваном Грозным за Феодорита ходатайствовал его старый товарищ Артемий, который стал к тому времени игуменом Троице-Сергиева монастыря. Феодорит был вызван в Москву и поставлен архимандритом Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале (РИБ 31, 333-334). Курбский точно излагает факты. Старец Артемий стал троицким игуменом в 1551 г., но пробыл им всего лишь около полугода (Вилинский 1906, 45, 52-53). Феодорит был назначен архи-

мандритом в начале 1551 г. в период наибольшего влияния Артемия на молодого Ивана IV (Гладкий 1981, 240).

Рекомендуя царю Феодорита, старец Артемий хотел видеть во главе Спасо-Евфимиева монастыря единомышленника-нестяжателя. Как и на Коле, архимандрит Феодорит стал вводить среди монахов нестяжательный устав, по словам Курбского, «наказующи по великому Василиеву уставу жительствовати» (РИБ 31, 334. Ср. там же, 335).

Приблизительно в то же время старец Артемий писал Ивану Грозному, что «святии отци уставляют жити, яже по Великому Василию» (РИБ 4, 1440), и советовал монарху изучать «со прилежанием всяким просветительную книгу Великаго Василия..., начало: “Многом сущи иже от богодухновенаго писания поведующих”...» (РИБ 4, 1388). Так начинаются переписанные Артемием в Порфириевой пустыни «Постнические словеса» Василия Великого об аскетической жизни монахов (Ув-255-1^о, 1). В литовской эмиграции старец Артемий подарил другой список этого сочинения Курбскому (РИБ 31, 415). Нестяжатели видели в книге Василия Великого наилучшее руководство к совершенному иноческому житию.

Как и на Коле, строгость Феодорита в соблюдении монастырского устава вызвала сопротивление со стороны иноков, а также епископа Суздальского и Торусского Афанасия Палецкого. «...Того ради, — замечает князь Андрей, — ненавиюще его яко мниси, так епископ градцкий», которого Феодорит обличал за «сребролюбие и пьянство» (РИБ 31, 334).

Дальнейшее повествование о Феодорите прерывается рассказом о церковном процессе по делу еретиков в 1553-1554 гг. Следствие привело на скамью подсудимых старца Артемия. Феодорит и Иоасаф Белобаев, вызванные в суд в качестве свидетелей обвинения, отказались выступить против своего друга и произнесли речи в его защиту. Показания Феодорита опротестовал епископ Суздальский Афанасий Палецкий. Он объявил Феодорита «еретиком» и единомышленником Артемия еще со времен жизни в Порфириевой пустыни (РИБ 31, 336).

По соборному приговору старец Артемий был сослан «в вечное заточение» в Соловецкий монастырь (РИБ 31, 337). Но вскоре узни-

ку удалось бежать, и в 1555 г. он объявился в Великом княжестве Литовском, где, несомненно, сообщил Курбскому дополнительные подробности как о жизни его духовного отца, так и о суде над еретиками. Бежать из соловецкой тюрьмы без посторонней помощи невозможно. Курбский и старец Артемий, опасаясь за этих помощников, хранят полное молчание относительно обстоятельств побега. Остается только догадываться, помогали ли Артемию друзья соловецких монахов Феодорита и Иоасафа Белобаева или он нашел поддержку у других лиц. Монастырским игуменом в то время был Филипп Колычев. Побег Артемия не сказался на его репутации и впоследствии, после низложения Филиппа с митрополичьего престола, не был поставлен ему в вину.

После собора против еретиков — между 24 октября 1554 г. и 28 января 1556 г. — Феодорит был отрешен от архимандритства (Гладкий 1981, 240-241). Его осуждения больше всех добивался Афанасий Палецкий, который не мог простить Феодориту его обличений. Феодорита сослали в Кирилло-Белозерский монастырь, игуменом которого в 1539-1551 гг. был Палецкий (Строев 1877, 55; РИБ 31, 338-339). Так иосифлянская группировка, занимавшая высшие посты в русской церкви, расправилась со своими противниками нестяжателями. Достоверность рассказа Курбского подтверждается документальными материалами.

Феодорит недолго пробыл в опале — около полутора лет (РИБ 31, 339). Из Кириллова он отправил послание своим духовным сыновьям, «изъявляющи... нестерпимую скорбь свою» (РИБ 31, 339). Упоминание об этом письме — единственное известное ныне свидетельство о литературной деятельности Феодорита. Среди его духовных сыновей были вельможи и представители знати. Они добились амнистии у митрополита Макария.

Курбский называет себя среди духовных сыновей Феодорита, которые просили о его помиловании. Знакомство между ними произошло в первой половине 50-х гг. XVI в., после назначения Феодорита архимандритом Спасо-Евфимиева монастыря. Характерно, что после освобождения из Кириллова Феодорит выбрал местом своего пребывания Спасо-Ярославский монастырь (РИБ 31, 339). Там покоились мощи святого предка Курбского князя Смоленского и

Ярославского Федора Ростиславича Черного. Недалеко от Ярославля находится родовая вотчина князя Андрея Курба, по которой его предки получили фамилию (Герберштейн 1988, 154). Встречи Феодорита и Курбского проходили в Спасо-Ярославском монастыре.

Кратковременная опала не уронила высокий авторитет Феодорита в глазах Ивана Грозного и митрополита Макария. В 1557 г. на него было возложено ответственнейшее поручение. Еще в 1547 году Иван IV торжественно венчался на царство. Однако коронация молодого государя была признана не всеми главами иностранных держав, некоторые продолжали называть его великим князем Московским, а не царем.

По распоряжению Грозного, Феодорит ездил с посольством к патриарху Константинопольскому, чтобы получить у него и священного собора официальное признание царского сана (Гладкий 1981, 240). По словам Курбского, «святому мужу оному сам патриарх удивлялся, яко преслухался речения и беседования его премудрого, так и жительства его умирного и священнолепного» (РИБ 31, 340). Успешно выполнив задание, Феодорит привез на Русь от патриарха благословенную грамоту (РИБ 31, 340). Право Москвы, III Рима, на политическое наследие Византийской империи получило официальное подтверждение высших духовных иерархов.

Отказавшись от богатых царских даров, Феодорит удалился в Вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь. Оттуда он дважды посещал лопарей. Курбский указывает, что это было при нем, то есть еще до его эмиграции в 1564 г. (РИБ 31, 342). Следовательно, Феодорит совершил эти поездки в 1558-1563 гг., когда ему было около 60 лет. С его слов, князь Андрей записал путь от Вологды до границ Норвегии, типичный для русских путешественников XVI в.

Сначала Феодорит добирался реками от Вологды до Холмогор — культурного и торгового центра северодвинской земли, а оттуда по Северной Двине до Двинской губы. Далее Феодорит плыл по Белому и Баренцеву морям, которые в XVI в. не различались русскими, на северо-запад Мурманской земли до реки Печенги. Курбский сообщает, что «тамо же и Коло, река великая, в море впадает, на ея же устье монастырь он создан от него» (РИБ 31, 342). Но, таким об-

разом, чтобы добраться от Печенги до Колы, Феодорит должен был ехать в обратном направлении на юго-восток.

Рассказ Курбского вызвал скептические замечания исследователей (Голубинский 2, 860; Андреев 1920, 27-28). Отмечалось, что иностранные источники до 1571 г. умалчивают о монастыре на Коле и называют только один Печенгский монастырь. В его устройстве якобы и участвовал Феодорит совместно с Трифоном (Андреев 1920, 28-31). Внушал подозрение и маршрут Феодорита. В нем усматривали ошибочное указание Курбского на то, что Кола протекает дальше и севернее Печенги, хотя в действительности все обстоит наоборот (Голубинский 2, 860, сн. 1. Ср. Андреев 1920, 28).

Противоречия в рассказе Курбского может и не быть, если его понять буквально. Сначала Феодорит посещал Трифона Печенгского в Троицком монастыре, духовном и хозяйственном центре дикого края. Оттуда он отправлялся, забыв старую обиду, на Колу к инокам своего монастыря и лопарям. «...В такой старости, — восхищался князь Андрей, — и такие неудобные и жестокие пути претерпел, летом плавающу ему по морю, зимою же на пруткошественных еленех ездяще по непроходным пустыням, посещающе дети своих духовных, яко мнихов оных, так и лопянов...» (РИБ 31, 342-343).

Такой маршрут Феодорита выглядит оправданным и в связи с сообщением ван Салингена о том, что в 1565 г. в Печенгском монастыре было около 20 монахов и приблизительно 30 монастырских работников, в то время как на Коле стояло не более трех домов (Филиппов 1901, 299, 303, 308, сн. 14). Вероятно, после изгнания Феодорита около 1549 г. его монастырь пришел в упадок и прекратил свое существование к середине 60-х гг. XVI в. (ср. Будовниц 1966, 263). Поэтому о нем и молчат как иностранные, так и древнерусские источники. Время не сохранило имен многих первопроходцев и просветителей Русского Севера.

Последовательное повествование Курбского о Феодорите обрывается на бегстве князя Андрея из России в 1564 г. После этого он не имел о своем духовном отце подробных и точных известий. В связи с этим побегом Феодорит был подвергнут допросу. В описи Царского архива XVI в. указаны «речи старца от Спаса из Ярославля, попа черного, отца духовного Курбского» (Шмидт 1960, 38). Воз-

можно, после допроса Феодорит предпочел удалиться на север, предчувствуя наступление опричного террора. А. И. Андреев обнаружил в документах Соловецкого монастыря грамоту 1569 г., данную «строителю» Троицкого Печенгского монастыря Феодориту (Андреев 1920, 29). Кем был этот «строитель» — сказать трудно. Известно, что в конце жизни Феодорит вернулся на место своего пострижения в Соловецкий монастырь, где умер 17 августа 1571 г. (СП 1991, 43).

«Повесть о Феодорите» находится на пересечении мученического, исповеднического и преподобнического жития. Ее жанровое своеобразие обусловлено личностью самого героя — проповедника христианства среди язычников и нестяжателя, строящего иноческую жизнь «по подобию» Христа. Курбский собирался написать житие священномученика. Оно начинается сообщением, что Грозный «мужа погубил славнаго во преподобии, и воистинну святаго» (РИБ 31, 324). Заканчивается повесть типичной для мученика картиной столкновения тирана и святого. После того как Феодорит «вспомнянул нечто» Грозному о Курбском, царь «восклехтал, яко дивии вебрь, и воскрежетал неистово зубами своими и абие повелел таковаго святаго мужа в реце утопити» (РИБ 31, 345).

Но, не располагая в эмиграции надежными сведениями, князь Андрей сомневался в самом главном: был ли убит его духовник или «тихою и спокоюною смертию о Господе почил», что, кстати сказать, и произошло на самом деле (РИБ 31, 346. Ср. там же, 345). Мирная кончина святого невозможна по канонам мученичества. Вместо мученического жития Курбский написал насыщенную фактическими подробностями биографию своего духовного отца, в которой необходимый в силу литературного этикета образ царя-тирана находится на заднем плане. В «Повести о Феодорите» изображен не мученик за веру, а странствующий инок, миссионер и страдалец за правду.

Курбский-агиограф настойчиво подчеркивает достоверность своих рассказов (РИБ 31, 315, 342, 345). Это не только традиционные ссылки на свидетельства «достоверных самовидцев» и личные воспоминания, но и намеренная фактографичность сюжета, особенно ярко проявившаяся в «Повести о Феодорите». Она основана прежде всего на воспоминаниях самого Феодорита, в целом точно

передает основные факты его биографии и находит подтверждение в других источниках. Нельзя не согласиться с мнением И. К. Яхонтова, считавшего, что «на жизнеописание Феодорита следует смотреть как на весьма достоверный письменный памятник сравнительно с другими житиями поморских подвижников» (Яхонтов 1881, 121. Ср.: там же, 126).

Особенностью агиографической прозы Курбского является ее публицистичность. Писатель постоянно обращается к читателям (РИБ 31, 343) и персонажам (РИБ 31, 312-313, 345), оценивает поведение своих героев, прославляет добродетель и осуждает пороки, негодует против злодеяний. Агиографические повести в «Истории о великом князе Московском» направлены не только против Ивана Грозного. В борьбе с реформаторами в Литовской Руси, отрицавшими культ святых, монашество и церковную иерархию, князь Андрей хотел показать на примере митрополита Филиппа и Феодорита Кольского, «яко храбри еще обретаются старцы в православной христианской земле, во правоверных дохматех воспитанныя» (РИБ 31, 343). Впрочем, сам автор испытывал некоторую неуверенность в силе своих доказательств, что привело к сознательному отходу от агиографических канонов.

Создавая произведение, древнерусский писатель стремился придать сюжету строгую последовательность, изложить собранный материал «по ряду». Заканчивая «Повесть о Феодорите», Курбский подчеркивает, что написал о нем «не по ряду» — опустил обязательные в житии рассказы о чудесах святого. (РИБ 31, 346). Обычно средневековые книжники объясняли свои отступления от литературных образцов стремлением к краткости, недостатком времени и сведений, но в данном случае дело не только в этих причинах.

Курбский проявлял осторожность в религиозных спорах с протестантами и католиками, опасаясь дать лишний повод для критики православия (см.: РИБ 31, 372, 441). Он опустил рассказы о чудесах своего героя, опасаясь скептических замечаний «маловерных чело­веков». «... Глупство видится им, еже о духовных глаголемое...» — раздраженно заметил князь Андрей о своих противниках и отложил воспоминания о восхищении Феодорита в небесные обители, его «аероплаветельных хождениях», то есть хождениях по небесам,

видениях и других сверхъестественных чудесах до устных бесед с единомышленниками — «духовными мужами» (РИБ 31, 346. Ср.: там же, 343-344).

Было бы ошибкой считать, что «История о великом князе Московском» распадается на отдельные разнородные части — повести, воспоминания, жития и т.п. Ее особенностью является жанровая и стилистическая мозаичность единого целого. Курбский — историк, ритор, публицист, агиограф — создал яркое и оригинальное произведение, основываясь на книжно-славянской и латинской литературе. В его творчестве разные художественные традиции не вступают в противоречие. Они слиты воедино авторским замыслом и развиваются в направлении жанра исторической беллетристики. В отличие от многих житий XIV-XVI вв., имеющих абстрактно-обобщенный характер, агиографическая проза Курбского исторически конкретна. Под его пером намечилось превращение жития в историко-биографическое повествование, прославляющее мучеников не столько религиозной, сколько политической идеи.

Сокращения.

Цитируемые источники и литература

- ААЭ 1 = Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. 1294-1598 гг. СПб., 1836. Т. 1.
- Андреев 1920 = *Андреев А. И.* К истории русской колонизации западной части Кольского полуострова // *Дела и дни: Исторический журнал*. Пб., 1920. Кн. 1. С. 23-36.
- Будовниц 1966 = *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV-XVI вв. (по «житиям святых»). М., 1966.
- Вилинский 1906 = *Вилинский С. Г.* Послания старца Артемия (XVI в.). Одесса, 1906.
- Герберштейн 1988 = *Герберштейн С.* Записки о Московии / перевод А. И. Малеина и А.В. Назаренко. М., 1988.
- Гладкий 1981 = *Гладкий А. И.* К вопросу о подлинности «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского (житие Феодо-

- рита) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). М., 1981. Т. 36. С. 239-241.
- Голубинский 2 = *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М., 1997. Т. 2: Первая половина тома.
- ЖТП 1859 = Житие преподобного Трифона Печенгского, просветителя лопарей // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 2. С. 89-120.
- Кукушкина 1977 = *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI-XVII вв. М., 1977.
- Кусков 1980 = *Кусков В. В.* Жанры и стили древнерусской литературы XI - первой половины XIII вв. Автореферат докторской диссертации. М., 1980.
- Макарий 4 = *Макарий* (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 4. Т. 1.
- Питирим 1973 = *Питирим*, архиепископ. О Волоколамском Патерике // Богословские труды. М., 1973. Сб. 10. Ч. 1. С. 175-222.
- ПЛ 1 = Псковские летописи / пригот. к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1.
- ПСРЛ 13 = Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 13.
- РИБ 4, 31 = Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 4; 1914. Т. 31.
- Севастьянова 1990 = *Горсей Дж.* Записки о России. XVI - начало XVII в. / вступ. статья, перевод и коммент. А. А. Севастьяновой. М., 1990.
- СП 1991 = Соловецкий патерик. М., 1991.
- Строев 1877 = *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской империи. СПб., 1877.
- Ув-255-1^о = Василий Великий. Постнические словеса. 1543 г. Государственный Исторический музей (Москва), собрание А. С. Уварова, № 255-1^о.
- Филиппов 1901 = *Филиппов А. М.* Русские в Лапландии в XVI в. // Литературный вестник. СПб., 1901. Ч. 1. Кн. 3. С. 295-311.
- Шестаков 1868 = *Шестаков П. Д.* Просветители лопарей архимандрит Феодорит и св. Трифон Печенгский // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1868. Ч. 139. С. 242-296.

Шмидт 1960 = Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / под ред. С. О. Шмидта. М., 1960.

Яхонтов 1881 = *Яхонтов И. К. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник*. Казань, 1881.

Summary:

The Tale of Feodorit Kol'skij

This is a biography written by Prince A. M. Kurbskij about his spiritual father, Feodorit Kol'skij. It is the only work dedicated to Feodorit in the Old Russian literature. The vita offers extraordinary information about Feodorit's missionary work amongst the Lapponians of the Murmansk region, and his translations of Church Slavonic texts into the Saami language.

On the whole, the reliability of Kurbskij's story is confirmed by other sources. It is a valuable testimony by a contemporary, and it contains unique facts about the colonization and conversion of the Kola Peninsula.

Address of the author: Vasilij Vasil'evič Kalugin, Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradov RAN, Volkhonka 18/2, 121019, Moscow.